

Глава 18. Путь под песню

Тан Сыюй не стал задерживаться, но и уходить по-английски, не проронив ни слова, не собирался.

— Господин Лу, — обратился он к Лу Сяофэну, — искренне сожалею, что мне так и не довелось испытать на себе ваш Указующий перст Линси.

Он слегка улыбнулся:

— Но что-то мне подсказывает: мы скоро свидимся.

— Неужели Девятый молодой господин Тан не едет в Помесье Красной птицы? — тут же любопытствовал Лу Сяофэн.

— Даже если бы я поехал, мне не суждено встретиться с Тан У, — покачал головой Тан Сыюй.

— Это еще почему?

Тан Сыюй на мгновение замолк, прежде чем выдохнуть:

— Массив облачного пламени и струящейся зари.

— Ты хочешь сказать, что в Помесье Красной птицы уже задействовали Массив облачного пламени и струящейся зари? — уточнил Хуа Маньлоу.

Тан Сыюй лишь молча кивнул. Его взгляд внезапно остановился на лице Хуа Маньлоу.

Седьмой молодой господин семьи Хуа был по-прежнему изыскан и спокоен; ясный взор, чистое чело — сама безмятежность, способная укротить любой гнев. Даже когда он задавал вопросы, его голос звучал так мягко и доверительно, что на душе становилось мирно.

Тан Сыюй вдруг вздохнул и произнес, казалось бы, совсем не к месту:

— Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу... Славные имена. Редкое созвучие.

В его словах слышалась то ли тень сожаления, то ли искренняя симпатия.

— Если вам так нравятся наши имена, — подмигнул Лу Сяофэн, — можете зваться Тан Сяофэном или Тан Маньлоу. Я против не буду, да и брат Хуа, думаю, тоже.

Тан Сьюй грустно усмехнулся:

— Эти имена предназначены лишь вам двоим. В устах другого они потеряют всё свое очарование.

Он замялся, но всё же счел нужным предостеречь:

— Если встретите Тан У, будьте предельно осторожны. В искусстве ядов ему нет равных во всем клане. Даже старая госпожа не сможет подобрать противоядие к его отравам.

— А как же ты? — прищурился Лу Сяофэн. — Неужели и тебе это не под силу?

— И мне, — подтвердил Тан Сьюй. — Разве что вы сначала примете мой яд.

— Принять твой яд? — недоуменно переспросил Хуа Маньлоу. — Но ведь это всё равно что отравиться.

— Верно, — рассмеялся Тан Сьюй. — Зато, отравившись моим ядом, вы станете невосприимчивы к отраве Тан У. Раз уж всё равно умирать, так не лучше ли сделать это от моей руки?

— Уж лучше тогда умереть от своей собственной, — Лу Сяофэн шутливо приставил два пальца к груди, имитируя Указующий перст Линси, а затем безнадежно развел руками.

***

На третий день пути цель была уже близка — Помесье Красной птицы находилось совсем неподалеку.

— Брат Хуа, — заговорил Лу Сяофэн, — тебе не кажется, что Тан Сьюй появился слишком уж вовремя?

— То, что Тан У овладел Иглой, пронзающей сердце, само по себе выглядит странно, — негромко отозвался Хуа Маньлоу. — И по чистой случайности он сейчас пребывает именно там, куда мы держим путь.

Оба погрузились в раздумья. Всё это явно пахло тайным умыслом.

— Посуди сам, — продолжил Лу Сяофэн. — Шэнь Бумянь перед смертью оставила знак, ведущий в Помесье Красной птицы. Тан Сьюй утверждает, что Игла принадлежит Тан У, который сейчас находится там же. Но помнишь, пару дней назад мы встретили Лаоши Хэшана?

Он клялся, что узнал некую тайну Тан У, и потому тот пустился за ним в погоню.

— И что же это за тайна? — спросил Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн лишь неопределенно качнул головой:

— Может, она как раз связана с вашим семейным секретом — Иглой, пронзающей сердце?

— Не знаю, — Хуа Маньлоу нахмурился. — У меня такое чувство, что всё это не так. Слишком уж гладко эти ниточки связываются в один узел, а на деле между ними может не быть ничего общего.

— Согласен, — кивнул Лу Сяофэн. — Голова идет кругом. Брат Хуа, а что если все эти сведения правдивы, но указывают на три совершенно разные вещи?

— Хочешь сказать, — подхватил Хуа Маньлоу, — что Шэнь Бумянь звала нас в Поместье Красной птицы вовсе не ради Тан У? Тан Сьюй не лгал, и Тан У действительно убил человека Иглой, пронзающей сердце. А тайна, о которой ведал Лаоши Хэшан, — это какой-то совсем другой секрет этого юнца...

Он внезапно замолчал.

Если дело обстояло именно так, то ситуация оказывалась куда запутаннее, чем они предполагали. Они и раньше не считали свою миссию легкой прогулкой, но подобная сложность сулила немало лишений. К тому же они еще даже не брали в расчет историю с Нефритовыми четками.

Когда идешь по прямой тропе, рано или поздно доберешься до конца. Но когда дорог слишком много, найти верный выход почти невозможно.

Впрочем, ни Лу Сяофэн, ни Хуа Маньлоу не привыкли отступать перед трудностями. Первый терпеть не мог хлопот, но никогда от них не бегал. Второй же, встречая проблему, предпочитал просто ее решать.

Несмотря на все сомнения, они не падали духом.

— Доберемся до места, — уверенно произнес Лу Сяофэн, — и всё само собой прояснится.

Хуа Маньлоу ответил ему мягкой улыбкой. Видя, что друг приободрился, Лу Сяофэн облегченно потянулся в седле:

— Дорога еще не закончена. Пожалуй, спою-ка я тебе что-нибудь.

После вчерашнего выступления Тан Сьюя у него так и чесались связки. В корчме петь было не с руки, но здесь, на широком тракте, он наконец-то мог дать воле своему таланту.

Хуа Маньлоу негромко кашлянул.

Это было лишь легкое предостережение. Он не стал останавливать друга, лишь попытался морально подготовиться к неизбежному, покрепче перехватив поводья.

— Брат Лу, — произнес он как можно более серьезно, — держись-ка в седле покрепче. Смотри, не отпусти поводья в порыве вдохновения.

На самом деле он хотел добавить: «...а то конь с перепугу понесет», но решил промолчать из чистого дружелюбия.

Лу Сяофэн хохотнул:

— Помнишь, Брат Хуа, несколько лет назад в Поместье призраков этот Ши Хэ имел наглость заявить, будто я не пою, а реву по-ослиному? Жаль, бедняга помер, а то я бы обязательно нашел его и всё растолковал. Прихватил бы с собой Тан Сьюя — тот бы мигом подтвердил, что мой голос чего-то да стоит.

— Полагаю, Ши Хэ сейчас несказанно рад тому, что он мертв, — философски заметил Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн обиженно проворчал:

— Брат Хуа, когда вчера пел Тан Сьюй, ты над ним не подшучивал.

— Так он и не собирался тащить тебя на могилу Ши Хэ, чтобы донимать покойника пением, — парировал Хуа Маньлоу. — Я лишь сочувствую несчастному Ши Хэ.

Лу Сяофэн и сам не знал, сердиться ему или смеяться. Он не всегда проигрывал в словесных перепалках — в вопросах, касающихся дам, преимущество неизменно оставалось за ним. Обычно после этого Хуа Маньлоу только и мог вздохнуть: «Лу Сяофэн, никакой ты не благородный муж».

Эта мысль вернула Лу Сяофэну душевное равновесие. Он с пафосом провозгласил:

— Исполняет не-благородный муж! Лирика — «Радость хмеля» великого Ли Бая!

И, не дожидаясь ответа, загорланил:

— Коль в жизни повезло — черпай веселье полной чашей!.. И пусть не зрит луна на дне ее пустого дна!..

Он не заботился о вступлении и пел те строки, что первыми приходили на ум. Несмотря на полное отсутствие слуха, в его пении чувствовался неподдельный размах и удаль.

Лошади внезапно прибавили ходу.

Теперь они неслись по пыльному тракту быстрее прежнего. Скачка двух всадников выглядела лихо и бесшабашно.

Хуа Маньлоу едва сдерживал смех. Он подумал: «Если бы Лу Сяофэн начал петь раньше, мы бы добрались до поместья за два дня, а не за три».

Он с улыбкой повернулся к другу.

Лу Сяофэн, поймав этот искренний взгляд, воодушевился еще сильнее. Иногда он находил признание там, где меньше всего ожидал.

Его голос зазвучал еще громче и увереннее.

Они неслись бок о бок, и все заботы уносил встречный ветер. Хуа Маньлоу не находил это пение несносным; напротив, оно казалось ему забавным и на удивление душевным.

Лу Сяофэн был на редкость занятным человеком. Быть его другом — значило обречь себя на вечную радость. Он не только наслаждался жизнью сам, но и щедро делился этим счастьем с окружающими.

В нем сочетались нелепость и бесконечное обаяние. Трудно было представить более комфортного спутника.

Хуа Маньлоу поймал себя на мысли, что если им суждено провести так всю жизнь, то эта жизнь определенно стоит того, чтобы ею дорожить.

Пришпорив коней, они во весь опор помчались к Помещью Красной птицы.